

Выродова Алла Сергеевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
КОЛОРАТИВОВ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

(на материале поэтических текстов

С. А. Есенина и Н. М. Рубцова)

Специальность 10. 02. 01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Белгород,
2008

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Белгородский государственный университет».

- Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор Алефиренко Николай
Федорович
- Официальные оппоненты: – доктор филологических наук,
профессор Шаклеин Виктор
Михайлович
- кандидат филологических наук,
доцент Глушкова Валентина
Геннадьевна
- Ведущая организация – Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого

Защита состоится 13 ноября 2008 г. в 14.00 час. на заседании
диссертационного совета Д 212. 015. 03 в Белгородском государственном
университете по адресу: 308015, Белгород, ул. Победы, 85.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Белгородского государственного университета.

Автореферат разослан 11 октября

Учёный секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М. Ю. Казак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Помимо выявления культурной информации, лингвокультурология обращается к раскрытию имплицитного национально-специфического содержания языковых единиц разных лексико-семантических полей, выявлению их культурно маркированных компонентов и этнокогнитивных факторов формирования устойчивых дискурсивных ассоциаций. Такими единицами, в частности, являются лексические колоративы, образующие в русском языке колоративное лексико-семантическое поле (ЛСП). Моделирование колоративного ЛСП позволяет эксплицировать не только узувальные семантические связи и отношения между словами в системе русского языка, но и функционально-смысловые свойства колоративов в поэтическом дискурсе. Особенно сложным и многоаспектным они оказываются в текстах поэтических произведений. Если главным критерием выделения колоративного ЛСП в системе языка являются лексические значения слов (значение *цвета* и *света*), то в поэтическом тексте таким критерием служат их смысловые импликации. Не случайно, смысл является категорией лингвокультурологической, смысл подвижен и изменчив от эпохи к эпохе, от человека к человеку, от текста к тексту. Такая изменчивость не позволяет определять смысл как категорию социально-психологическую, общественную, присущую определённой группе. Смысл - категория личностная, ситуативная, можно даже сказать, окказиональная. Социализированный синтез индивидуально-личностных смыслов выражается в категории значения, которая становится элементом общественного сознания и проявляется в социально-обусловленной и поэтому наиболее стабильной, постоянной части содержания языкового знака. С одной стороны, войдя в систему общественного сознания, смысловое содержание колоративов преобразуется в языковое значение (и в этом качестве, прежде всего, изучается семиасиологией); с другой – они входят в систему средств, формирующих языковую личность поэта, идиостилистическую палитру его поэтического мышления, становятся средством создания поэтической картины мира. В поэтическом дискурсе личностный смысл противостоит значению как мотивированное отношение человека к обозначаемому. Если под значением слова принято понимать объективно сложившуюся систему связей, одинаковую для всех носителей языка, то под смыслом - индивидуальное значение поэтического слова, выхваченное из этой устоявшейся системы семантических связей.

Многообразие смыслов колоративов выражается в не менее многочисленных комбинациях сем их лексических значений, обуславливающих общую конфигурацию и смысловую архитектуру колоративного лексико-семантического поля. Конституирующую роль в этом играет и интенциональный фактор организации ЛСП. Причём интенциональным элементом структурирования колоративного ЛСП в системе языка выступает понятие, которое является интегрирующим для всех единиц того или иного поля. Понятие цвета в системе языка передает только колоративную характеристику определяемого объекта или явления (*жёлтые*

листья). Фокусирующим же эпицентром функционально-смыслового поля в поэтическом дискурсе служит концепт, который в отличие от понятия не имеет четких смысловых границ. Являясь элементом обыденного (не научного) языкового сознания, колоративный концепт не лишён эмоционально-оценочной характеристики, так как смысловое наполнение единиц колоративного ЛСП далеко выходит за рамки понятия. Так, в поэтическом дискурсе концепт «цвет» помимо прямого колоративного определения предмета или объекта несёт в себе целый комплекс семантических приращений (в том числе и символических). Прилагательное *жёлтый*, например, в поэтическом дискурсе может символизировать, с одной стороны, болезнь, смерть (*Ведь не осталось ничего, / Как только жёлтый тлен и сырость — С. Есенин; Трущобный двор. Фигура на углу. / Мерещится, что это Достоевский. / И жёлтый свет в окне без занавески / Горит, но не рассеивает мглу — Н. Рубцов*), а с другой – прекрасное: *Месяца жёлтые чары / Льют по каштанам в пролесь* (С. Есенин).

Актуальность работы состоит в необходимости комплексного исследования функционально-смыслового содержания колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века. Изучение колоративов в поэтическом дискурсе с лингвокультурологических позиций позволяет выявить и осмыслить древнейшие ментальные колоративные представления в концептосфере русского языка, сохранившиеся до наших дней и активно функционирующие в поэтическом дискурсе С. Есенина и Н. Рубцова. Выявление в составе колоративного ЛСП функционально-смыслового уровня, формирующегося в рамках поэтического дискурса, открывает новые возможности в когнитивно-коммуникативной интерпретации цвето-световой гаммы концептосферы поэтической картины мира. Назревшей необходимостью является также моделирование предметно-денотативного пространства колоративов в современном поэтическом дискурсе и определение его идиостилистической значимости.

Объект диссертационного исследования – поэтические тексты С. Есенина и Н. Рубцова.

Предметом исследования являются колоративы с точки зрения их функционально-смысловой сущности, соотношение их *значений* в системе языка и *смысловых вариаций* в поэтическом дискурсе С. Есенина и Н. Рубцова.

Гипотеза данной работы состоит в предположении, что предметно-денотативное пространство колоративов является культурологически значимым, обуславливающим идиостилистические контуры поэтического текста.

Целью исследования является изучение собственно языковых и лингвокультурологических особенностей колоративов в поэтическом дискурсе С. Есенина и Н. Рубцова. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

– осуществить моделирование ЛСП колоративов в поэтическом дискурсе С. Есенина и Н. Рубцова;

- определить идиостилистические особенности функционирования цветообозначений в поэтических текстах каждого из исследуемых авторов;
- определить предметно-денотативное пространство колоративов в современном поэтическом дискурсе и его идиостилистическую значимость;
- выявить лингвокультурологическое содержание знакообозначений цвета и света в концептосфере русского языка и в поэтическом дискурсе;
- раскрыть поэтико-дискурсивный характер смысловых приращений в семантике символических колоративов.

Теоретической основой исследования стали положения, сформулированные в трудах отечественных и зарубежных исследователей:

- семантическая и культурологическая концепции колоративов (А. П. Василевич, А. Вежбицкая, В. Г. Кульпина, Р. М. Фрумкина);
- базовые понятия лингвоконцептологии (Е. М. Верещагин, В. А. Маслова, Э. Сепир, Ю. С. Степанов, Н. Ф. Алефиренко, И. А. Стернин и др.);
- теория поэтического текста, разработанная в трудах Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, Н.С. Болотовой);
- лингвостилистика С. Есенина (В. В. Лопатин, Е. А. Некрасов, Л. С. Кателина, В. В. Коржан) и лингвопоэтика Н. Рубцова (В. Кожинов, Т. И. Подкорытова, Ю. Кириенко-Малюгин, В. Таиров).

Положения, выносимые на защиту:

1. Все колоративы в системе русского языка и поэтическом дискурсе структурируются в пределах одного, достаточно обширного колоративного лексико-семантического поля. Оно включает в себя два макрополя: (а) макрополе цвета и (б) макрополе света и предполагает их дальнейшее членение, поскольку состоит из нескольких микрополей (микрополя *красного, чёрного, белого, зелёного, синего* и *жёлтого* цвета, а также микрополя *света и тьмы*).

2. Моделирование колоративного ЛСП – это процесс схематического построения речемыслительной структуры, определяющей колоративное пространство поэтического дискурса. Такое моделирование охватывает как непрерывные, так и дискретные, и пространственно-временные характеристики. Непрерывность обеспечивается совокупностью динамических (функционально-смысловых) связей колоративов в поэтическом дискурсе. Дискретность моделируемого колоративного ЛСП показывает сложную совокупность этапов формирования поля. Пространственно-временные характеристики связаны с процессами функционально-смысловых преобразований колоративов в поэтическом дискурсе. Такой подход позволяет: а) определить состав основных сем, которые образуют в своей сумме значение данного цветообозначения; б) установить модель сочетаемости данного колоратива с другими лексическими единицами; в) дать определение деривационных моделей колоративов.

3. Логическим центром структурирования колоративного ЛСП в поэтическом дискурсе является концепт, который в отличие от понятия, образующего логический эпицентр поля в системе языка, не имеет жёстко

структурированных смысловых границ, является элементом языкового сознания поэта, средством создания эмоционально-оценочной архитектоники поэтического дискурса.

4. Идиостилистическое использование единиц колоративной системы С. Есениным и Н. Рубцовым в поэтическом дискурсе позволяют создавать неповторимые поэтические произведения, основываясь на функционально-символической многоликости цветообозначений. Благодаря контекстуальному окружению колоративы в поэтическом дискурсе подвергаются семантическим модификациям, приводящим к смысловому и прагматическому обогащению их лексического значения. Семантические приращения в значении колоративов, носят традиционный характер, продолжая фольклорные и литературные традиции, или наделяются индивидуально-авторскими, идиостилистическими свойствами.

5. Двойственность символической коннотации колоративов обуславливается их палеонтологическим происхождением, универсальностью, диффузностью смысловых полей, а также этнокультурными контактами. Двойственность значения замыкается на антонимическом противопоставлении символических значение одного колоратива.

Методологическим основанием исследования служит принцип системности, проявляющийся в моделировании ЛСП колоративов, и закон взаимодействия языковой единицы и дискурсивной среды её функционирования.

Методы исследования. Использованы как общефилологические и частные методы, так и общенаучные. Метод наблюдения и количественного анализа был использован при первичном анализе материала (поэтического дискурса). Метод контекстуального и композиционного анализа позволяет эксплицировать семантические нюансы лексического значения колоративов в поэтическом дискурсе. Компонентный анализ был необходим для определения состава и структуры ЛСП колоративов в русском языке и поэтическом дискурсе. Метод интертекстуального анализа позволяет выявить функционально-смысловые особенности слов-символов с колоративными значениями, описать их семантико-стилистические и символические свойства не только в поэтическом тексте, но и в контексте русской лингвокультуры. Сопоставительный анализ использовался при рассмотрении поэтических текстов двух авторов, для выявления колоративных предпочтений каждого из поэтов.

Научная новизна работы состоит в моделировании колоративного ЛСП в поэтическом дискурсе. Впервые обосновано положение о том, что основанием для объединения цветообозначений в одном ЛСП поэтического дискурса, прежде всего, является колоративный смысл, модифицирующий визуальные колоративные значения. Это позволило расширить границы колоративного ЛСП за счёт включения в его состав лексем, не имеющих системного колоративного значения, которые в поэтическом дискурсе приобретают колоративный смысл. Научную новизну составляет вводимое в

когнитивно-дискурсивную поэтику понятие «поэтическая синестезия», под которым понимаем такое когнитивно-коннотативное явление психолингвистического характера, сущность которого заключается в способности вызывать в нашем языковом сознании ощущение дискурсивной модальности колоратива под воздействием восприятия дискурсивной модальности другого слова.

Теоретическая значимость работы обусловлена разработанной в диссертации моделью теоретического описания механизмов преобразования колоративного ЛСП русского языка в функционально-смысловое поле колоративов в поэтическом дискурсе. В основе нашего подхода лежит положение о том, что при моделировании ЛСП «собственно лингвистические критерии должны сочетаться с логическими» (Н. Ф. Алефиренко). Согласно такому подходу построение колоративного ЛСП в исследуемых поэтических текстах опирается на принцип ассоциативно-смысловой импликации слов, благодаря которому в определённых поэтических контекстах погашаются системные лексические значения и развиваются речевые, коннотативные, поэтические смыслы. Обоснована целесообразность введения в когнитивно-дискурсивную поэтику понятия «поэтическая синестезия».

Моделирование выделяемого в поэтическом тексте колоративного ЛСП опирается не столько на колоративные значения слов, сколько на оказавшиеся в основе художественного мышления поэта, переживаемые концепты, которые служат когнитивным основанием для объединения колоративов в те или иные микрополя.

Практическое значение диссертации определяется возможностью её практического использования как в учебно-дидактическом, так и в научном аспектах. Основные положения диссертации могут быть использованы в преподавании университетских курсов «Лингвистический анализ художественного текста» и «Стилистики русского языка», а также при изучении языка и стиля писателя в средней школе.

Источниками анализируемого материала явились поэтические тексты С. Есенина и Н. Рубцова (Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2-х т. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – М.: Сов. Россия: Современник, 1990. - 480 с.; Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2-х т. – Т. 2. – Стихотворения. Проза. Статьи. Письма. – М.: Сов. Россия: Современник, 1991. – 384 с.; Рубцов Н. М. Я люблю, когда шумят березы. – М.: Эксмо, 2006. – 384 с.) и лексикографические издания (Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского языка. – Л. – 1979. – 567 с.; Жюльен Н., Словарь символов. – Челябинск: Урал LTD, 1999. – 498 с.; Лингвистический энциклопедический словарь. – М. – 1987.; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., Толковый словарь русского язык. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.)

Материалом исследования послужила авторская картотека (свыше 1500 словоформ колоративов, извлечённых методом сплошной выборки из поэтических текстов С. Есенина и Н. Рубцова).

Структура работы такова: 3 главы, заключение, список использованной литературы и приложение.

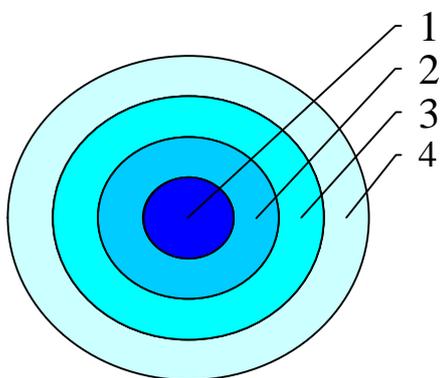
Апробация работы. Основные положения и результаты исследования в виде докладов и сообщений обсуждались на областной конференции «Роль учреждений культуры и образования в сохранении нематериального культурного наследия» (Белгород, 2006), на Международной научно-практической конференции «Журналистика и медиаобразование в XXI веке» (Белгород, 2006), на Международной научно-практической конференции «Фразеология и когнитивистика» (Белгород, 2008). Основные положения и выводы диссертационного исследования излагались на аспирантских семинарах, заседаниях кафедры русского языка и методики преподавания БелГУ. Результаты исследования нашли отражения в 6 публикациях (общий объем – 1, 7 п. л.)

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяется цель и задачи работы, раскрывается её научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, даётся представление о материале и методике его исследования.

В первой главе «**Типы лексико-семантических полей в языке и поэтическом дискурсе**» закладываются основы моделирования колоративного ЛСП путём интегрирования его непрерывных, дискретных и пространственных характеристик, позволяющих формализовать всё колоративное пространство поэтического дискурса анализируемых текстов С. Есенина и Н. Рубцова для получения достоверных данных о структуре колоративного ЛСП. Такой подход позволяет: а) определить состав основных сем, которые образуют в своей сумме значение данного цветообозначения; б) установить модель сочетаемости данного колоратива с другими лексическими единицами; в) дать определение деривационных моделей колоративов. Моделирование колоративного ЛСП в поэтическом дискурсе предполагает рассмотрение проблемы взаимоотношения понятий «смысл» и «значение» колоративов. В языке главным критерием объединения слов является лексическое значение, а в поэтическом дискурсе – смыслы. Это происходит потому, что поэтический дискурс включает в поле обзора не только узкий круг лексического значения слов в поэтическом тексте, рассматривает текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. Структуру любого ЛСП поля образуют ядро, центр и периферия (ближняя и дальняя). Свойствами ЛСП являются: наличие общего семантического признака, который в разной степени присутствует у всех членов ЛСП; ЛСП подвержено членению и может включать микрополя; любое слово языка отнесено к какому-либо полю; все члены одного ЛСП являются потенциальными синонимами; границы ЛСП подвижны, меняются за счёт появления неологизмов и исчезновения архаизмов.

Структура колоративного ЛСП

1. Ядро колоративного ЛСП. Важнейшим составляющим колоративного ЛСП является ядро, которое представлено родовой семьей, гиперсемой, то есть центральным колоративным понятием, которое будет в различной степени отражено во всех единицах поля. Ядро колоративного ЛСП образуют колоративы, обозначающие основные цвета: *чёрный, белый, красный, синий, зелёный, желтый, свет, тьма*.

2. Центр колоративного ЛСП. Центр поля моделируют единицы, имеющие общее, интегральное с ядром (колоративное) дифференциальное значение: *багровый, алый, голубой*.

3. Ближняя периферия колоративного ЛСП. Единицы ближней периферии находятся в довольно тесной взаимосвязи с центром ЛСП. Эта определённая взаимосвязь дифференциального значения единиц ближней периферии со значением центра и ядра колоративного ЛСП проявляется в наличии в семантическом наборе дополнительных сем (уточняющих, разъясняющих): *изумрудный, вишнёвый, лимонный*.

4. Дальняя периферия колоративного ЛСП. Дальняя периферия представлена единицами, наиболее удаленными в своем значении от ядра. Общее родовое понятие, заключенное в ядре, отнесено здесь в разряд потенциального или вероятного: *буланый, русый, как снег*.

Колоративное ЛСП в языке и поэтическом дискурсе репрезентируется цветообозначениями, которые образуют два макрополя: макрополе цвета и макрополе света. Прежде всего, необходимо отметить, что цвет и свет – взаимообусловленные категории: *цвет* – это отраженный *свет*. Мы не всегда обращаем внимание на то, что изменение светового режима меняет цвета окружающих нас предметов. Бытовые представления о цвете ограничиваются понятием «цвет краски» или «цвет пигмента» (основного компонента краски, придающего ей определенный цвет при нормальном освещении).

Лексико-семантическое макрополе цвета конституируется микрополем ахроматических цветов (*белого и черного*) и хроматических (*жёлтый, зелёный, синий, красный*). Макрополе света, в свою очередь, делится на два микрополя. Первое обозначает наличие и различную степень *светового* излучения, а второе – отсутствие света, то есть *тьму*. Границы колоративного ЛСП довольно обширны, поэтому морфологическая принадлежность колоративов разнообразна. Это и привычное прилагательное: *синий, красный*, и существительное или глагол: *синеть, зелень*, и неизменяемые формы: *темно, бледнея, светясь*, и словарный комплекс, передающий цвет (компаратив, фразеологический оборот): *белый*

свет, как *жёлтый* труп: *Синее море, цветная дуга* (С. Есенин); *Даже море кажется мне / Индиго* (С. Есенин); *Я странник убогий, / Молюсь в синеву* (С. Есенин); *Его спросили Лили: / - Почему ты / не зеленеешь, / прутик-лилипутик?* (Н. Рубцов) *В комнате моей темно* (Н. Рубцов); *С потухшими глазами / С пугливой синью губ* (С. Есенин); *Каждый сноп лежит, как желтый труп* (С. Есенин); *И мысль, летая, кого-то ищет / По белу свету* (Н. Рубцов).

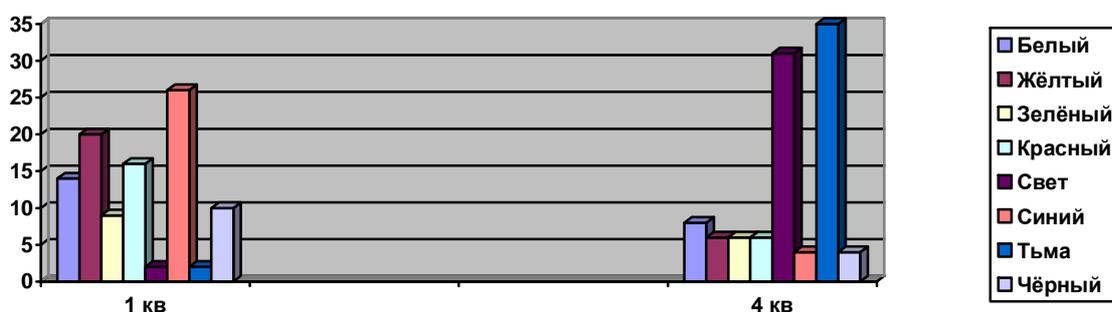
Словообразование колоративов также не замыкается в пределах одного способа. Цветообозначения в языке и поэтическом дискурсе образуются неморфологическим, морфологическим и синтаксическим способами. Неморфологический способ словообразования колоративов в языке и поэтическом дискурсе представлен лексико-семантической разновидностью (метонимическим и метафорическим типом) образования цветообозначений, которая основывается на образности лексических единиц языка и дискурса: *Тех волос золотое сено* (С. Есенин); *Она горит над золотом осенним, / Она горит над зимним серебром* (Н. Рубцов). Морфологический способ словообразования колоративов в языке и поэтическом дискурсе представлен шире, чем неморфологический. В первую очередь, это деривационные модели словообразования, включающие суффиксальные, префиксальные, префиксально-суффиксальные образования: *С потухшими глазами, / С пугливой синью губ* (С. Есенин); *И на комья желтеющей глины / За ограду летят лепестки* (Н. Рубцов). Так же образование колоративов в языке и поэтическом дискурсе происходит путём словосложения (возможно сложение не только колоративных основ): *И в небе тёмно-голубом / Сам бог витает над селом* (С. Есенин); *Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный* (Н. Рубцов). Синтаксический способ образования колоративов заключается в передаче цветового ощущения словарным комплексом: *И волос твоих цветом в осень* (С. Есенин); *И всё в просторе сказочно-огнистом* (Н. Рубцов).

Использование различных способов словообразования колоративов (неморфологического, морфологического, синтаксического) привело к формированию обширной группы слов, обозначающих цвет. Колоративы, содержащие в своем составе минимальное число словообразовательных формантов, образуют ядерную и центральную зону лексико-семантического поля цвета. Добавление словообразовательных формантов к деривату удаляет цветообозначение от ядра поля цвета. Колоративы, образованные неморфологическими способами (не при помощи словообразовательных формантов), находятся на дальней периферии лексико-семантического поля цвета, так как значение цвета передается словарным комплексом или при помощи переноса значения по сходству с цветом.

Во второй главе «Предметно-денотативное пространство колоративов в современном поэтическом дискурсе и его идиостилистическая значимость» доказывается, что предметно-денотативное пространство колоративов в современном поэтическом дискурсе образуется цветоопределением тех предметов и объектов, которые

окружают лирического героя. Колоративы в лексико-семантической системе современного русского языка представляет собой устойчивое семиотическое пространство, которое, как и в других лексико-семантических группах слов, формируется исторически, расширяя свою семантику в соответствии с изменениями стереотипов восприятия и понимания окружающего мира. Категория цвета является одной из основополагающих категорий культуры, которая, войдя в христианскую картину мира, унаследовала и преобразовала некоторые элементы языческих воззрений, реализуясь в разных языковых традициях. Всё это свидетельствует о том, что связь цвета с психикой органически устанавливалась с самых древних времён. Восприятие цвета на трёх уровнях: физиологическом, психологическом и интеллектуальном, привело к формированию довольно обширного класса цветообозначений. А такие характеристики колоративов, как древность происхождения, активность функционирования в языке, семантическое богатство и способность к созданию новых экспрессивно-образных значений, позволяет их весьма интенсивно использовать в поэтическом дискурсе.

Процентное соотношение колоративов различных лексико-семантических микрополей в поэтическом дискурсе

1 кв. – процентное соотношение единиц различных лексико-семантических микрополей в поэтическом дискурсе С. Есенина.

4 кв. – процентное соотношение единиц различных лексико-семантических микрополей в поэтическом дискурсе Н. Рубцова/

Многие исследователи признают особую близость поэтической традиции Н. Рубцова к произведениям С. Есенина, что проявляется в преклонении и восхищении перед природой, во внимании к теме «малой» родины и заинтересованностью судьбой русской деревни, в активном использовании пейзажных зарисовок, часто имеющих колоративную характеристику.

В поэтическом дискурсе С. Есенина и Н. Рубцова особое лингвокультурное значение приобретает такое явление, как «*поэтическая синестезия*», под которым понимаем такое когнитивно-коннотативное явление психолингвистического характера, сущность которого заключается в способности вызывать в нашем языковом сознании ощущение дискурсивной

модальности колоратива под воздействием восприятия дискурсивной модальности другого слова. Сущностное свойство синестезии художественного мышления по психологической своей природе определяется межчувственными ассоциациями, соединяющими в себе появление колоративных ассоциаций на сигналы, поступающие от всех органов чувств. Синестезия как раз и является связующим компонентом между информационным комплексом, полученным всеми органами чувств (визуально воспринимаемые образы, звуковые, тактильные, вкусовые и обонятельные). Например, переживания цветового образа в ответ на музыкальную фразу: *Над речным покровом берегов / Слышен **синий** дязз её подков* (С. Есенин); *Тот город **зелёный** и **тихий** / отрадно заброшен и глух* (Н. Рубцов). С помощью поэтической синестезии явление одной модальности одновременно воспринимаются и оцениваются в категориях другой сенсорной системы: *Странный **свет**, / **ядовитый**, / **зелёный**, / **болотный*** (Н. Рубцов). Свет из окон, помимо колоративного определения (*зелёный*), характеризуется по признаку опасности/безопасности для человека. *Запах моря в **привкус** / **Дымно-горький*** (С. Есенин). Необыкновенные свойства морского воздуха для лирического героя в поэтическом дискурсе воспринимаются не только обонянием. При помощи поэтической синестезии воздух, наполненный всевозможными морскими запахами, сгущается и приобретает вещественность, становясь горьким на вкус.

Колоративы в поэтическом дискурсе выполняют несколько функций:

1. Употребление колоративов в поэтическом дискурсе, в первую очередь, подчинено эстетической функции, которая отражает гармоничное восприятие окружающего мира лирическим героем: *Из-за леса, леса **темного**, / Подымалась **красна** зорюшка, / Рассыпала **ясной** радугой / Огоньки-лучи **багровые*** (С. Есенин); *Сады. **Желтеющие** зданья / Меж **зеленеющих** садов / И **темный**, будто из предания, / Квартал дряхлеющих дворов* (Н. Рубцов).

2. И н ф о р м а ц и о н н а я функция основана на цветовой символикe, принятой в русском этнокультурном сообществе: *Зеленая прическа, / Девическая грудь, / О, тонкая березка, / Что загляделась в пруд?* (С. Есенин); *Что вспомню я? **Чёрные** бани / По склонам крутых берегов* (Н. Рубцов) *Зеленый* цвет в русской культуре символизирует молодость, жизнерадостность, а *черный* негативно влияет на психо-эмоциональное состояние человека, так как колоратив *чёрный* обычно символизирует в нашей лингвокультуре траур и создает ощущение тоски и безвыходности: *Я целую синими губами / **Чёрной** тенью тиснутый портрет* (С. Есенин).

3. Э м о ц и о н а л ь н о - п с и х о л о г и ч е с к а я функция основывается на том, что цвет всегда является средством создания у человека необходимого настроения, передачи атмосферы места действия и происходящего события. Нейрофизиологами доказано, что человеческому организму для нормального функционирования необходимо, чтобы около 80% всей поступающей в мозг информации приходилось на цветное зрение. Следовательно, для создания оптимального режима «работы» поэтического

языкового сознания поэта и читателя важнейшую роль играют единицы колоративного ЛСП. Поэтому использование колоративов в поэтическом дискурсе создает определённую эмоциональную наполненность художественного произведения: *Сторона ль ты моя, сторона! / Дождевое осеннее олово. / В чёрной луже продрогший фонарь / Отражает беззубую голову* (С. Есенин). Использование колоративов *чёрный, олово* в контекстуальном окружении создает негативный эмоциональный фон. Употребление колоративов, обозначающих тёплые оттенки, в поэтическом дискурсе настраивает нас на весёлое, жизнерадостное восприятие художественного произведения: *Загорелась зорька красная / В небе темно-голубом, / Полоса явилась ясная / В своем блеске золотом* (С. Есенин).

Проведённое нами исследование поэтических текстов позволяет утверждать, что колоративы создают стиль и настроение, влияют на внутреннее состояние человека. В диссертации делается попытка показать, что сначала у поэта, а затем и у читателя номинации цвета и света в определённом поэтическом контексте способны возбуждать ощущение спокойствия, удовлетворённости или, наоборот, беспокойства и даже раздражения (в зависимости от преобладающих в его окружении тонов). Сопряжённость этих функций колоративов, подчинённая созданию идиостилистически целостного поэтического дискурса, позволяет определить поэтические цветообозначения как высокохудожественный природно-культурный феномен.

В поэтическом дискурсе все природные объекты были разделены нами на определенные тематические группы: астрономические объекты, гидрологические, объекты флоры и фауны. Была выделена особая группа антропоцентричных цветообозначений, которая включает в себя колоративную характеристику внешности человека, его одежды, предметов интерьера, жилища и всего, что создано руками людей.

К астрономическим объектам в поэтическом дискурсе относятся небесная сфера, солнце, луна, звёзды, гроза. Все они имеют разнообразную цветовую характеристику. Небесный купол, помимо обыденного *синего* или *голубого* цвета, в поэтическом дискурсе получает необычное, красочное цветоопределение: *Небо ли такое белое? / Или солью выцвела вода?* (С. Есенин); *Загорелась зорька красная / В небе темно-голубом, / Полоса явилась ясная / В своем блеске золотом* (С. Есенин); *Много серой воды, много серого неба* (Н. Рубцов). Кроме того, для цветовой характеристики неба поэтами используются необычные колоративы: *аспидный, оловянный, просинь*: *А ночью под аспидным небом / В томительных сумерках юга* (Н. Рубцов); *Замутило дождями / Небо холодную просинь* (Н. Рубцов); *Сторона ты моя, сторона! / Дождевое, осеннее олово* (С. Есенин). Для характеристики астрономических объектов в поэтическом дискурсе употребляются как устойчивые сочетания (солнышко *красное*), так и необычные колоративные определения. Ср.: *Сказали ангелы солнышку: / «Разбуди поди мужика, красное»* (С. Есенин) *Уведу тебя под склоны /*

Вплоть до маковой зари (С. Есенин); *Меж болотных стволов красовался восток огнеликий* (Н. Рубцов).

Цветообозначение гидронимов зависит от глубины водоёма, степени освещения, времени суток, структуры дна и наличия всевозможных примесей, поэтому колоративная характеристика гидрологических объектов в поэтическом дискурсе разнообразна. Благодаря этим факторам цвет воды в водоемах может иметь не только голубую окраску: *Вода недвижимее стекла / И в глубине ее светло* (Н. Рубцов); *Но о чём-то подолгу мечтала / У калины за жёлтым прудом* (С. Есенин); *Бежит, струится маленький / Серебряный ручей* (С. Есенин); *Мир осинам, что раскинув ветки, / Загляделись в розовую водь* (С. Есенин); *В тени мерцающей воды / С твоей ласкаются сестрою* (Н. Рубцов).

Для колоративной характеристики флоры в поэтическом дискурсе нами выделено четыре группы, с опорой на смену времён года и доминирующее цветоопределение в данный сезон. Осенний период характеризуется активным использованием ядерных и периферийных единиц лексико-семантического микрополя *жёлтого* и *красного* цветов: *Мотыльки над водой / Усыпанной жёлтыми листьями* (Н. Рубцов); *Не ходить, не мять в кустах багряных / Лебеды и не искать следа* (С. Есенин). Преобладание колоративов лексико-семантических микрополей ахроматических цветов (*чёрного* и *белого*) в поэтическом дискурсе наблюдается при описании зимних пейзажей: *А где-то есть во мгле снегов / Могила мамы* (Н. Рубцов); *Снежная равнина, белая луна* (С. Есенин). Опираясь на символическое значение *зелёного* цвета, как символа новой жизни и *белого*, как чистого и первозданного, поэты активно используют данные колоративы при описании весенних пейзажей: *Как дождик, что весной взрыхляет зелень* (С. Есенин); *Сылет черёмуха снегом, / Зелень в цвету и росе* (С. Есенин). Для цветоопределения летних пейзажей в поэтическом дискурсе не наблюдается подобной колоративной статичности. Летние пейзажи поражает буйством красок, поэтому задействованы единицы всех колоративных лексико-семантических микрополей: *Синими цветами Тегерана / Я лечу их нынче в чайхане* (С. Есенин); *Там я тайком выращивал / Аленький свой цветок* (Н. Рубцов).

Фауна в поэтическом дискурсе представлена довольно обширно: это и домашние, и дикие животные, и даже обитатели морских глубин. Использование образа птиц с колоративной характеристикой имеет двойственную символику, синтезируя символическое значение цвета и символический образ птицы: *Понакаркали черные вороны: / Грозным бедам широкий простор* (С. Есенин). Для цветоопределения животных в поэтическом дискурсе, в основном, используются колоративы с ограниченной сочетаемостью: *Мне уже досталось / От коней, / И рыжих, и гнедых, – / Знать не знали, / Что такое жалость* (Н. Рубцов); *Бредет мой конь, как тихая судьба, / И ловит край махающей одежды / Его чуть мокрая буланая губа* (С. Есенин).

Антропоцентризм в использовании колоративов проявляется в цветовом определении человеческой внешности и всего того, что сделано его руками. Колоративное определение глаз в поэтическом дискурсе колеблется от простого колоративного определения (*синие* или *голубые*), до использования сравнительных оборотов. Ср.: *Да, недолго глядел он на Русь / Голубыми глазами поэта* (Н. Рубцов); *Как васильки во ржи, цветут в лице глаза* (С. Есенин). Цветоопределение волос так же не статично и характеризуется ядерными и периферийными единицами нескольких лексико-семантических микрополей (*жёлтого, черного*): *Не потому и с жёлтой головой / Я по планете бегал до упаду?* (С. Есенин); *Блондинистый, почти белесый, / В легендах ставший как туман* (С. Есенин); *Со снопом волос своих овсяных / Отоснилась ты мне навсегда* (С. Есенин); *И треплет ветер под косынкой / Рыжеволосую косу* (С. Есенин); *Она смотрела, как глухонемая, / И головы седой не поднимая, / Опять сидела тихо у огня* (Н. Рубцов).

Колоративную характеристику приобретают и реалии, играющие важную роль в жизни человека: его жилище, одежда, предметы быта: *Я надену красное монисто, / Сарафан запетлю синей рюшкой* (С. Есенин); *Кругом села зеленый лес. / Цветут сады, белеют хаты* (С. Есенин); *И храм старины, удивительный, белоколонный* (Н. Рубцов).

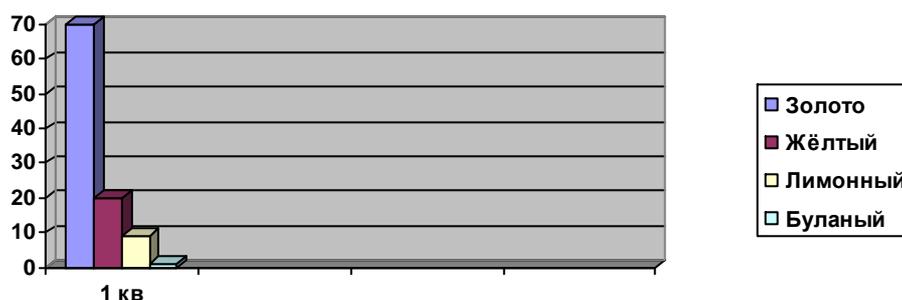
Окказиональное употребление и индивидуально-авторское использование колоративов в поэтическом дискурсе связано с идиостилем поэта. Поэтому исследование художественного текста с использованием колоративов и когнитивно-семантическое своеобразие произведений отдельного автора опирается на понятия идиолект и идиостиль, в которых прежде всего отражается индивидуально-авторское «Я».

Под *идиолектом* в его применении к изучению поэтической колоративистики понимается специфическое отношение писателя к отбору лексических колоративных средств, репрезентирующих его авторскую индивидуальность и особенности мировидения, которые в полной мере отражаются в его поэтическом дискурсе. Идиолект представляет собой индивидуализированную «версию» общенародного языка, представленную поэтическими текстами. Иными словами, идиолект конституируется совокупностью формальных и стилистических особенностей, определяющих своеобразие употребления колоративов отдельным носителем языка. Важной составляющей идиолекта выступает потенциальный тезаурус колоративных лексем, используемых языковой личностью для образного выражения субъективной модальности.

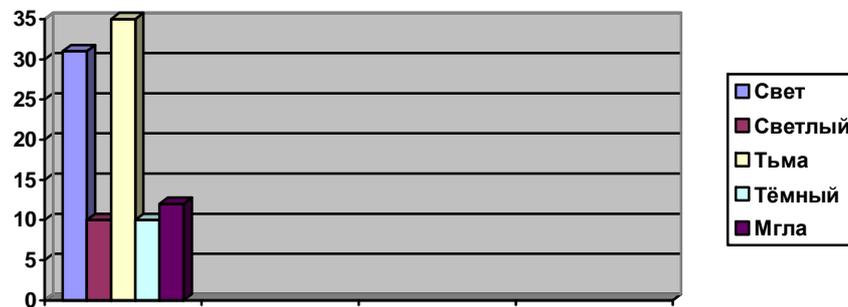
Идиостиль определяется как индивидуально-авторская установка языковой личности на авторрепрезентацию фонетическими, лексико-фразеологическими, морфологическими, синтаксическими средствами идиолекта (В.В. Леденёва). Идиостиль, кроме всего прочего, обнаруживает себя в характере использования колоративов в поэтическом дискурсе – продукте дискурсопорождающей деятельности языковой личности, в процессе реализации её эстетических предпочтений. Так,

идиостилистической особенностью поэтической речи С. Есенина является использование из всей палитры единиц колоративного ЛСП преимущественно лексем-цветообозначений (*голубой, золотой*): *Голубой простор и золото / Опоясали твою тоску* (С. Есенин). Н. Рубцов же предпочитает использовать в своих поэтических текстах, наряду с колоративами, единицы лексико-семантического макрополя света: *Большая Медведица / Так сверкает! Отрадно взглянуть. / В звездном свете, блестя гололедица / На земле обозначила путь* (Н. Рубцов). Конструктивным элементом идиостиля является *актуализированный лексикон* поэта. В отличие от лексикона вообще, включающего в себя всю лексику русского языка, актуализированный лексикон колоративов представляет собой набор наиболее частотных цветообозначений. Колоративы, занимающие лидирующие позиции в актуализированном лексиконе, служат идиостилистической доминантой поэтического дискурса того или иного автора. Такие цветообозначения выступают *идиостилистической доминантой* – наиболее часто актуализируемой, семантически и стилистически значимой колоративной единицей в ряду однородных элементов идиолекта, репрезентирующей базовый художественный концепт того или иного автора. Идиостилистической доминантой поэтических текстов С. Есенина является колоратив *золотой*, служащий ядром ЛСП *жёлтого* цвета (70 %): *С золотистых веток полетела пыль* (С. Есенин). У Н. Рубцова идиостилистической доминантой колоративного ЛСП выступают лексемы *свет* и *тьма* (31 % и 35% соответственно): *И жёлтый свет в окне без занавески / Горит, но не рассеивает мглу* (Н. Рубцов).

Идиостилистическая доминанта лексико-семантического микрополя *жёлтого* цвета в поэтическом дискурсе С. Есенина

Идиостилистическая доминанта лексико-семантического микрополя *света и тьмы* в поэтическом дискурсе Н. Рубцова

Третья глава «Лингвокультурологическое содержание колоративов в системе русского языка и поэтическом дискурсе» посвящена рассмотрению взаимосвязи колоративов с соответствующими концептами языковой картины мира. В том числе рассматривается соотношение колоративов с географическими, природными, историческими, социальными объектами, а также верованиями, традициями и образом жизни данной этнокультурной группы. Цвет и свет в концептуальной картине мира, вербализуется колоративами, отражающими в системе русского языка представления об определенных признаках и свойствах наиболее важных для нашего народа реалий. Цвето-световая гамма поэтической картины мира репрезентируется образными колоративами, раскрывающими ценностно-смысловой потенциал концептосферы того или иного автора. Выделение и формирование цветовой палитры в составе поэтической картины мира основано на значимости в жизни человека и лирического героя такого явления действительности, как цвет. Развитие цветového восприятия и языкового его оформления, согласно гипотезе цветовой универсальности Берлина–Кея, происходило следующим образом: на первой стадии языкового оформления цветových ощущений появились колоративы *чёрный* и *белый*, обозначающие темноту ночи и дневной свет. Следующим этапом развития колоративной системы стало появление цветообозначения *красный*, который определял цвет крови. Дальнейшее развитие цветového восприятия происходило с опорой на определённые прототипы в природе: *синий* – цвет неба, воды; *зелёный* – цвет растительности, *жёлтый* – цвет солнца и золота. Однако применение подобного цветového универсализма к этнокультурным сообществам, сформировавшимся в различных условиях и под воздействием различным движущих сил не считается целесообразным, так как существуют народности, цветová картина мира которых замыкается на двух цветоопределениях, обозначающих *светлое* и *тёмное*, китайский язык, например, в своём составе не имеет колоратива *зелёный*. Поэтому выводы данной теории спорны, и скорее применительны только к этнокультурным сообществам, сформировавшимся в Европе. Это подтверждает и гипотеза лингвистической относительности Сепира–Уорфа, которая акцентирует внимание на культурно-исторических и ментально-этнических факторах развития общества и языка. Так как формирование языков происходит в различных условиях, то и цветové пространство, отраженное в языке, различно: у народов крайнего севера существует большое количество

колоративов, передающих оттенки *белого* цвета; в русском языке наряду с колоративом *синий* существует *голубой*, в английском языке только *bleu* (синий).

Колоративы как очень древние ментальные образования, несут в себе, помимо цветового значения, дополнительный комплекс символических значений, причем часто двойственных. Во-первых, символ, имеющий колоративную природу, – есть отражение цветовой картины мира; во-вторых, он подвергается мыслительной обработке, в-третьих, символ есть орудие переделывания действительности. Обобщенно-образное и идейно-насыщенное содержание колоративного символа базируется на знаковой природе символа, что позволяет объективироваться предметно-чувственному и сигнификативному (понятийному) отражению познаваемого. Но колоративный символ всегда должен содержать в себе ссылку на нечто иное, что должно проецироваться природой самого символа, который не только обозначает что-то, но одновременно и выявляет обозначаемое: выявляет истину, делает её чувственно, интеллектуально и духовно воспринимаемой. Восприятие цветового символа на психологическом и интеллектуальном уровнях позволяет сблизить его с вербализованным концептом цвета. Как и в концепте, в символе объективируется предметно-чувственное и сигнификативное отражение колоративного восприятия окружающей действительности, но символ – не простой сплав образа и понятия, в нем в потенциальном развитии сосуществуют сущность и явление, тогда как концепт – сущность, объективированная в слове. Символ служит своего рода посредником между концептом и словом. Выполнение колоративным символом столь важной функции в поэтическом дискурсе становится возможным благодаря его специфическому референту. Колоративный символ в поэтическом тексте является неким когнитивным образованием, отсылающим к подразумеваемому ценностно-смысловому феномену – культуре.

В языке и поэтическом дискурсе *белый* цвет символизирует чистоту, святость, невинность: *Нежная девушка в белом / Нежную песню поет* (С. Есенин). Также этот цвет символизирует жертвенность, переход человека в загробный мир: *Ты увидишь из окна белый саван мой* (С. Есенин); *Где каждый смертный свято погребен / В такой же белой горестной рубашке* (Н. Рубцов). *Чёрный*, как абсолютный антоним *белого*, несет в своем символическом наполнении негатив. Это цвет смерти, дьявольского начала, неудач и беды: *Розу белую с чёрной жабою / Я хотел на земле повенчать* (С. Есенин); *И чёный дым летел за перевалы / К стоянкам светлых русских деревень* (Н. Рубцов). Но это и цвет земли, всеобщего хаоса и бездны, из которой все образовалось: *Листья осенние / Где-то во мгле мирозанья* (Н. Рубцов); *Чёрная, потом пропахшая выть!* (С. Есенин) (выть – участок пахотной земли) *Красный* в языке и поэтическом дискурсе - символ крови и войны, активности, власти: *Девушка рисует мертвых на поляне, / На груди у мертвых – красные цветы* (С. Есенин); *Алым венчиком кровинки запеклися на челе* (С. Есенин). В древней Руси *красный* обозначал красивый, поэтому

лексико-семантическое поле *красного* цвета очень обширно: *Погодала красна девица в семик. / Расплела волна венки из повилик* (С. Есенин); *Как будто солнце / Красное над снегом, / Огромное, / Погасло навсегда* (Н. Рубцов). Цветом весны и обновления является *зелёный*, символизируя молодость, энергию и надежду: *Кругом села зелёный лес. / Цветут сады, белеют хаты* (С. Есенин); *Прошла пора, когда в зелёный луг / Я отворял узорное оконце* (Н. Рубцов). Но ассоциации данного цвета с нездоровой кожей приводят к отрицательному символическому значению *зелёного*, как цвета болезни и тоски. Разнообразии символического значения *синего* цвета поражает. *Светлые* оттенки *синего* символизируют легкость, недостижимость, возвышенность, *темные* причисляются к колоративной характеристике подземного мира, дьявола. Ср.: *Да, мне нравилась девушка в белом, / Но теперь я люблю в голубом* (С. Есенин); *Прекрасно небо голубое! / Прекрасен поезд голубой!* (Н. Рубцов); *Ревут валы, / Поет гроза! / Из синей мглы / Горят глаза* (С. Есенин). Символизм *жёлтого* цвета тоже двойственен. Это и цвет яркого солнца и золота, и цвет болезни, и даже смерти. Ср.: *Перед нами вся знать да бояры / В руках золотые чары* (С. Есенин); *Трущобный двор. Фигура на углу. / Мережится, что это Достоевский. / И желтый свет в окне без занавески / Горит, но не рассеивает мглу* (Н. Рубцов).

В поэтическом дискурсе колоративы, помимо основных символических значений, приобретают добавочные, свойственные только поэтическим текстам данного автора, идиостилистические символические значения. Так, *тополь* в поэтических произведениях С. Есенин является символом и двойником его собственной жизни: *Сам себе казался я таким же клёном, / Только не опавшим, а вовсю зелёным* (С. Есенин), образ *чёрного* человека является персонификацией тёмных сил, ассоциируется с дьяволом: «*Чёрный человек! / Ты прескверный гость. / Эта слава давно / Про тебя разносится*» (С. Есенин).

Несмотря на то, что *зелёный* символизирует молодость, обновление, а цветы символ жизни, образ *зелёных* цветов, характерный для лирики Н. Рубцова, символизирует постоянное движение времени, тоску о безвозвратно ушедшей молодости и потерянной любви: *Меж белых листьев и на белых стеблях / Мне не найти зелёные цветы* (Н. Рубцов). У С. Есенина молодость и красоту символизируют *светлые* волосы и *голубые* глаза: *Сквозь синь стекла желтоволосый отрок / Лучит глаза на галочью игру* (С. Есенин); *Голубая кофта. Синие глаза* (С. Есенин). Уходящую молодость в поэтических текстах символизирует изменение цвета волос и глаз: *Тех волос золотое сено / Превращается в серый цвет* (С. Есенин); *Были синие глаза, да теперь поблекли* (С. Есенин).

В поэтическом дискурсе разные колоративы могут символизировать одно и то же явление. Так символическое колоративное определение чего-то древнего, старинного в поэтическом дискурсе не фиксирована определённым набором цветообозначений, оно колеблется в пределах нескольких лексико-семантических микрополей. С течением времени некоторые предметы и объекты действительности под воздействием солнечного света теряют свой

цвет, выгорают, приобретая несвойственный им *жёлтый* цвет: *Как много жёлтых снимков на Руси* (Н. Рубцов); *Желтея грустно, / Старый особняк / Стоит в глуши* (Н. Рубцов). Так же от времени (под воздействием ряда факторов: света, дождя, ветра) цвет определяемого объекта может *темнеть*: *И тёмный, будто из преданья, / Квартал дряхлеющих дворов* (Н. Рубцов); *Ветер всхлипывал словно дитя, / За углом потемневшего дома* (Н. Рубцов); *У церковных берёз, почерневших от древности, / Мы прощались, и пусть* (Н. Рубцов). Древность в поэтическом дискурсе символизирует и *зелёный* цвет: *То полусгнивший встретится овин, / То хуторок с позеленевшей крышей* (Н. Рубцов). Данное символическое значение цвета, скорее всего, имеет непосредственную связь со мхом, который является символом старины и древности и покрывает старые и заброшенные строения.

Показательным для лирических произведений Н. Рубцова является акцентирование внимания на искусственном освещении городов и деревень. В описании деревенской жизни только природные объекты, излучающие свет, в состоянии рассеять тьму и страхи человека перед непроглядностью ночи: *Когда заря, светясь по сосняку, / Горит, горит, и лес уже не дремлет, / И тени сосен падают в реку, / И свет бежит на улицы деревни* (Н. Рубцов); *И вокруг долины той любимой, / полной света вечных звёзд Руси* (Н. Рубцов). Световое излучение природных объектов символизирует первозданность деревенского уклада жизни, чистоты и незамутнённости сознания жителя сельской местности. Искусственный свет, исходящий от ламп, фонарей, не в силах развеять темноту ночи, поэтому создается впечатление безвыходности, безысходности, бесполезности попыток человека взять под контроль природу и победить темноту и непроглядность ночи: *Горит пустынный электропламень / На прежнем месте* (Н. Рубцов); *У тёмных волн, в фонарном тусклом свете / Пройдёт прощанье наше у реки* (Н. Рубцов). Колоративное определение света окон в поэтическом дискурсе опирается на символическое значение цвета и несет в себе дополнительную семантическую нагрузку: *И жёлтый свет в окне без занавески, / Горит, но не рассеивает мглу* (Н. Рубцов); *В окнах зелёный свет, / Странный, болотный свет* (Н. Рубцов). Жёлтый и зелёный цвет объединяет одно общее символическое значение – это цвета болезненного состояния, тоски и безысходности, поэтому городские пейзажи со светом, имеющим колоративное наполнение, создают удручающие картины разрушительного влияния городской жизни на человеческую сущность. Даже свет естественного происхождения не в силах повлиять на сложившуюся ситуацию: *Торчит в окне бессмысленный рассвет! / Опять стекло оконное в дожде* (Н. Рубцов); *Реальный звук, реальный свет / С трудом доходят до сознания* (Н. Рубцов). Трагедию раскола между человеком и природой и губительное влияние урбанизации на личность лирического героя Н. Рубцов передаёт с помощью контрастов *света* и *тьмы*, в трагедийном звучании природных стихий (ветра, дождя).

Очередной особенностью поэтических текстов С. Есенина и Н. Рубцова является активное использование колоратива с ограниченной сочетаемостью

седой не в прямом лексическом значении (*белый* вследствие потери окраски), а в переносном (*белесый, тускло-серый*), что позволяет характеризовать данным колоративом различные явления: *Плывут в страну далёкую / Седые облака* (С. Есенин); *Или эти седые туманы / Снова будут печалить меня* (с. Есенин); *Седые вербы у плетня / Нежнее головы наклонят* (С. Есенин); *Огороды русские / под холмом седым* (Н. Рубцов).

В **заключении** подводятся основные итоги работы. Моделирование колоративного ЛСП в поэтическом дискурсе обусловлено этноязыковыми особенностями и опирается на языковое сознание поэта. Поэтому логическим центром организации колоративного поля в поэтическом дискурсе является концепт. Колоративы, употребляемые С. Есениным и Н. Рубцовым, имеют ряд дискурсивно-поэтических особенностей, проявляющихся в их функционально-символической многоликости, что находит своё непосредственное отражение в идиостиле писателя. Неоднородность символических значений колоративов обусловлена их палеонтологическим происхождением, универсальностью, приращенностью смысловых полей, этнокультурными контактами. Предметно-денотативное пространство колоративов является культурологически значимым, обуславливающим идиостилистические контуры поэтического текста.

Приложение представляет собой «Словарь колоративов, используемых С. Есениным и Н. Рубцовым» в анализируемых поэтических произведениях. Словарь содержит лексикографическое описание колоративов не только с опорой на их лексические значения, но и с учётом зафиксированных нами дискурсивных смыслов в индивидуально-авторском словоупотреблении цветообозначений.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

в издании, рекомендованном ВАК России:

1. Выродова, А. С. Особенности художественной картины мира поэтических произведений Н. Рубцова / А. С. Выродова // Гуманитарные исследования. – 2008. – № 1. – С. 20 – 24.

в других изданиях:

2. Выродова, А. С. Колоратив *золотой* как идиостилистическая доминанта поэтических произведений С. Есенина / А. С. Выродова // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. – Киров: Изд-во ВятГУ 2006. – С. 228 – 233.

3. Выродова, А. С. Народно-поэтическое слово в поэзии С. Есенина / А. С. Выродова // Сохранение нематериального культурного наследия: проблемы и опыт: сборник материалов. – Белгород: КОНСТАНТА, 2006. – С. 105 – 108.

4. Выродова, А. С. Семантико-стилистические особенности цветообозначений в массмедийных текстах / А. С. Выродова // Журналистика

и медиаобразование в XXI веке: сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. 25 –27 сентября 2006 г. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 286 – 290.

5. Выродова, А. С. Лексико-фразеологические средства выражения цвето-световой палитры поэтической картины мира / А. С. Выродова // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. 4–6 мая 2008 г.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008 – Т. 2. – С. 60 – 66.

6. Выродова, А. С. Колоративы как элемент идиостиля С. Есенина // Проблемы современной филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Тамбов-Мичуринск, 2007. Вып. 4. – С. 47-52.